

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Ксения Черникова

Хляпа

Ксения Черникова

Хляпа

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Черникова К.

Хляпа / К. Черникова — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Есть Она и Он. Есть время и пространство. Есть правила приличий и эмоции, которые в них не вписать. Есть главное, которое теряет смысл, и случайное, которое вдруг становится главным. Есть то, что невозможно понять и объяснить даже самому себе. Содержит нецензурную брань.

Майка

Копить она обожала. Нет, не деньги, хотя и деньги тоже откладывала легко, как будто даже ни в чем себя не ограничивая. Просто складывала сначала купюру к купюре, а потом, когда уже на картах все стало, циферку к циферке, и они множились и росли постепенно, как будто сами по себе. Но даже больше этого любила собирать, можно так сказать, коллекции всех видов и мастей. Всякие акции и тому подобная дребедень, где нужно набрать определенное количество фишек, печатей, марочек, еще чего-нибудь, чтобы получить за полцены очередной никому не нужный ножик или сковородку – вот никогда не могла пройти мимо. И копились эти бесчисленные бумажки на полке в коридоре, и выбрасывались потом приехавшей в гости мамой, без разбора.

Точно также с удовольствием собирала Майка когда-то в зачетке оценки и автографы преподавателей в каждую сессию. Или еще до этого, в школе, когда давали им учить стихи, и надо было на отдельном листе в столбик писать названия этих стихов – а когда сдавали наизусть учительнице, она напротив каждого расписывалась. А потом, когда родила уже дочь, обнаружила новый виток своей страсти – в месяц, в три, полгода и когда там еще, когда младенцам надо проходить бесконечных врачей и сдавать анализы, она делала это с дочерью почти с удовольствием, потому что так же на бумажке писала список и могла проставить потом свои заветные галочки. Ну а что такого, у каждого свои, скажем так, прибабахи. Тем более что ее этот как раз понятен, от кого достался – от деда. Тот тоже был вдохновенным и очевидным собирателем.

Дед, правда, еще и под ногами всегда что-то находил. То часы с улицы притащит, то цепочку серебряную. Этот его искательный талант перешел уже не к Майке, а к ее дочери – правнучке, выходит. Та еще в яслях таскала с прогулок монетки в карманах, и по вечерам, когда приходила за ней мать, с гордостью свое богатство перед ней вываливала: «а угадай, что у меня есть?» А может, и не было тут никакого секрета и таланта, просто и дед, и маленькая Нютка до жути любопытны были ко всяким незаметным вроде штучкам, и под ноги всегда поглядывали с удовольствием. Хотя вот взять того же Нюткиного папашку – такой же ведь любитель замечать всякие мелочи и нестандартности, но от этого и знатный ловец ворон, вечно в своем мире и тоже взгляд в пол – и при этом ни одной монетки никогда не находил. А Нютка вроде и под ноги не смотрит – а находит. Жалко, дед умер, когда ей год всего был, вот кто точно б оценил.

Но вообще-то копил он, конечно же, больше деньги. Причем как ему это удавалось при обычной российской пенсии, да причем удавалось так, что бабушка ни о чем даже не догадывалась – вот уж загадка так загадка. И тем не менее сначала внучке Майке на двадцать пять лет вручил торжественно сберкнижку, на которой лежали двадцать пять тысяч рублей (и очень кстати эти деньги оказались, выручали много раз, и в том числе во время и первого, и второго большого переезда, и в благодарность деду Майка всегда потом держала неприкосновенный запас именно в такой цифре), а потом и дочери своей, Майкиной матери, на ее полтинник – такую же вручил сберкнижку, на которой было пятьдесят тысяч. Бабушка только охала с плохо скрываемой гордостью.

А у мамы ведь, кажется, до сих пор хранится крупная купюра, в числе прочих оставшаяся после деда, на которой его рукой надписана дата, когда он эту пятерку получил из рук почтальонной тетки, которая пенсию разносила, а ниже – размашистая его шикарная роспись, такая подлинная и уверенная, что даже не верится, что деда не стало всего месяца через два после. А может, и слава богу, что не верится.

И хранит мама эту пятерку в коробке из-под духов вместе со своими картами банковскими, и с паролями от них и от всяких личных кабинетов, и прячет в шкафу в некую сокровенную щель, о которой все в доме знают. И именно за этими паролями, когда не было мамы дома, и полезла в родительский шкаф уже давным-давно взрослая Майка. Ей как обычно что-то там надо было срочно, а мама тоже как обычно штурмовала в компании Нютки очередной магазин, вот и сказала по телефону – ну сама там пошарься, знаешь же примерно, где, най-

дешь. А потрясающе неуклюжая Майка, конечно, так пошарилась, что вывалила на себя чуть не половину шкафа. И вот тогда-то с самой верхней полки и спланировала она, пыльная, слегка примятая, но совершенно прекрасная и не прожженная даже еще ничуть – шляпа. Ааааах, – медленно вдохнула, забыла выдохнуть Майка и осела на кровать. И секунд через двадцать все-таки на выходе так, как маленькая Нютка, прошептала: хляпяпа...

Привоз

Черт знает какой год, Одесса. Двадцатилетняя Майка с подружкой, опасливо оглядываясь, идут по знаменитому полуденному Привозу. Сумочки обе на всякий случай держат впереди себя, за застёжки, еще и руками к телу прижимают. Чего приперлись на шумный одесский рынок из анекдотов – ни одна, ни другая не знают. Интересно ж. И страшно, само собой. Так что девки то вздрагивают от каждого шороха, то ржут дружно над вывесками «шкарпетки чоловічьи» и «іграшки для немовлят». И какая-то колоритная бабка им попадает, которая говорит скрипуче так: «Девочки, да шо вы тут ещечотев обед найти?» И тут же продавщице – «Дайте треску!» А та совсем юная, зеленая девочка, вдруг смущается и напряженно так: «Треска – это... рыба?» А бабка, как будто ждала: «Нет, едять твою ж мать, курица!» И снова они хохочут-заливаются. Молодость – она же такая, смешливая почти до неприличия.

Но тут Майка как-то по наитию поднимает голову и замирает. Перед ней шляпа нечеловеческой красоты. На самом-то деле просто себе шляпа с очень широкими полями, но Майке она почему-то кажется нереальной. И вцепляется чуть ли не мертвой хваткой, и платит сколько-то там гривен (на самом деле, конечно, несуразно много – на Привозе с первого взгляда определяют, с кого можно драть), и, уже не боясь за свою сумку, натягивает на голову. И до конца поездки практически не снимает, разве что на ночь, как будто за шляпой и ехала в далекую искрящуюся Одессу.

А потом дома она долго будет уговаривать саму себя на работу в первый день пойти без шляпы. В принципе, в театральной среде этот широкополый жест никто бы и не заметил. Вот только на улице с утра моросит мелкий дождь, так что эта прекрасная хляпа, которая именно так станет обзываться еще лет эдак через семь, ну никак не по погоде.

Ташкент

– Мне нравится, как ты пахнешь.

– И мне.

– Нравится, как ты пахнешь?

– Да как ты, балда.

Майка обожает эти их разговоры, эти ленивые перебрасывания полуфразочками. И он тоже, но старается виду не подавать. Или вот:

– А где мое платье?

– Рядом с моим абажуром, – а его абажур – это накинутая на лампу рубашка, чтоб слишком уж не светила. Или еще, совсем уж бытовое, над тарелкой с пельменями:

– Масло или сметана?

– Сметана. А розетка есть?

– Да вон, за твоей спиной.

– Другая розетка, дурында. Хотя эта тоже не помешает, зарядник тащи.

И они даже не смеются в такие моменты, а лыбятся как-то дико, как два идиота. А потому что невозможно, даже когда поняли друг друга не сразу, спрятать это ощущение единости, схожести, совпадения. И даже потом, когда расстаются, первые дни периодически бессмысленно улыбаются в пространство – именно этому вот ощущению совпавшего пазла.

А как они познакомились – рассказать?

Точнее будет – как впервые потрахались. Как бы грубо не звучало, но так ведь оно и вышло. Тот самый опять-таки одесско-анекдотический случай, когда спрашивать – «а как вас зовут?» – приходится одновременно с натягиванием штанов. Только в нашем случае – с нахлобучиванием «хляпы».

А дело было так.

Майка тогда еще работала завлитом в театре, и полетела на целый месяц в первую свою командировку. В Ташкент. В июле. И плюс сорок пять. И в своей уже знаменитой шляпе, само собой.

Для полноты картины надо бы уточнить еще остальные обстоятельства того жизненного периода. Маленькой Нютке было, кажется, пять, она осталась с бабушкой. Муж, Нюткин отец, на тот момент был уже отправлен в отставку, оплакан и почти забыт. Появлялся, конечно, иногда на горизонте, вроде как с дочерью поводить, но по щенячьему и тоскливому выражению глаз Майка всегда безошибочно определяла, что приходит он в надежде хоть на какую-нибудь реанимацию отношений. А так как было это совершенно невозможно, а чувство вины перед дочерью все не кончалось, то Майка всегда торопливо отводила глаза и убегала из дома. Правда, не к богатым любовникам, в чем всегда была убеждена бывшая свекровь, а куда угодно, лишь бы подальше от этого взгляда. Другого мужчины у нее до Владека-то и не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.